

самом начале? И тогда, как следствие, образовательная политика современных государств может изменить свой деструктивный, человекоразрушительный курс.

Список литературы

1. Выступление Президента РФ на форуме ОНФ «Качественное образование во имя страны», Пенза, 15 октября 2014 г. // <http://www.politonline.ru/comments/22878748.html>.

2. Зеньковский В. В. Наша эпоха / В. В. Зеньковский // Собрание сочинений: в 2-х тт. Москва: Русский путь, 2008. Т. 2. 526 с.

3. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860-1881 гг. Москва: Наука, 1971. 728 с.

4. Плантинга А. Совет христианским философам /А. Плантинги // Аналитический теист: антология. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 568 с.

УДК 37.01:316.444

А.Г. Кислов
A.G. Kislov

О роли гуманитарного образования в условиях роста социально-профессиональной мобильности*

On the role of liberal education in the face of rising social and occupational mobility

Аннотация. Обесценение труда и работника способствует легковесному отношению последнего и к процессу, и к результату своей работы, а потому и готовности к постоянному перемещению внутри социально-профессиональной структуры. Идеал праздности вытесняет идеалы профессионального призвания, мастерства. Но и «праздный класс» становится вынужденно мобильным: персонифицируемый им капитал требует роста производительного, а не растратного потребления. Производительное же потребление требует образованности, при культуроёмком производительном потреблении – гуманитарной образованности.

*При финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания по проведению научного исследования «Разработка и апробация методологии изучения и анализ социального портрета и ценностных ориентаций мастера производственного обучения»

***Abstract.** Devaluation of labour and worker assists a light-weight relation last both to the process and to the job performance, and that is why and to readiness to the permanent moving into a socially-professional structure. The ideal of idleness ousts the ideals of the professional calling, mastery. But also a "idle class" becomes forcedly mobile: персонифицируемый a capital requires a height productive, but not растрадного consumption them. Productive same consumption requires education, at kulturproductive consumption – a liberal arts education.*

***Ключевые слова:** труд, производство, потребление, трудящийся, работодатель, праздность, образованность.*

***Key words:** labour, production, consumption, a worker, employer, idleness, education.*

Болезненная проблем современной России – девальвация труда, которая (и в общественном сознании, и в экономике) произошла, прежде всего, вследствие превращения в России и его, и самих трудящихся в сырьё, материал, средство извлечения благ. Случилась потеря самооценности труда, проще говоря, забыли про радость труда и гордость за него, забыли даже о серьёзном к нему отношении. Речь идёт не о счастливых исключениях, которые, конечно, не перевелись, а об отношении к труду на уровне общественного и массового сознания, СМИ, акцентов в программных и, особенно, нормативных документах государства. Труд и трудящиеся превратились в одно (редуцировались к одному) из средств получения прибыли (не приоритетных, к тому же, средств, если сравнить с тем, что дают, например, углеводороды, др. природные богатства). Девальвация труда и трудящихся усугубилась вследствие отсутствия крепко стоящих на ногах институтов защиты интересов людей труда (профсоюзы и левые партии часто беспомощны или только имитируют защиту и выражение интересов людей труда, являются нередко лишь номинально левыми, а на самом деле декоративными или дегенеративными). Развиваются процессы дискриминации трудящихся и прекаризации труда – при том, что трудовые отношения заведомо асимметричны: сильной стороной в них всегда является работодатель.

Девальвированный труд девальвированного трудящегося располагает к экзистенциальной дистанции последнего от трудовых занятий: труд воспринимается как обуза, наказание, насилие и т.д.

Отчуждение трудящегося от собственного труда, от своих профессиональных занятий, обязанностей, от профессиональной чести и призвания чрезвычайно облегчает отрыв от них, как внутренний, эмоционально-психологический, так и внешний, проявляющийся в манкировании, а то и нескончаемом дрейфе от одного работодателя к другому, от одного вида профессиональной деятельности к другому. Девальвированный труд девальвированного трудящегося обрекает последнего на социально-профессиональную мобильность, направленность которой в подавляющем числе случаев – на деградацию: профессиональную, статусную, экзистенциальную. «Случилась не просто перекомбинация социально-востребованных ролей. Случилась их «разморозка», и плавление не привело, и вряд ли уже приведёт к новой устойчивой комбинации. Комбинаций стало сколь угодно много, а границы между ними весьма и весьма условны» [4, с. 166].

К. Маркс и Ф. Энгельс и многочисленные их последователи не только допускали, но прогнозировали преодоление отчуждения труда. Однако «труд и ныне отчужден всюду и для всех... дело в том, что это – одно из обязательных условий жизни человека именно как общественного создания. Допуская устранение отчужденного труда, надо допустить вместе с этим удаление важнейшего из способов коммуникации между людьми, лежащего в основании образования общественных отношений, а значит, человека и культуры. Но это невозможное допущение» [1, с. 92], так что процессы роста социально-профессиональной мобильности и отчуждения в сфере труда вряд ли останутся, что не сулит трудящимся лёгких времён.

Защита интересов трудящихся, тем не менее, получила разветвлённое юридическое выражение и закрепление (как следствие декоративно-декларативного присоединения к международным правовым стандартам, как какая-никакая компенсация тотальной дискриминации трудящихся постсоветским классом собственников). Сохранились также формы государственного, отраслевого и муниципального, возникли формы корпоративного признания трудовых заслуг, включающие в себя и моральную, и материальную составляющие. Общественный резонанс от них, тем не менее, почти отсутствует. СМИ сосредоточились на звёздах (случилась так называемая шоуизация мировосприятия зрителя-массового обывателя), вовлекая общественное сознание в праздность как в тенденции

всеми одобряемую и разделяемую ценность и норму, и даже личный и общественный идеал.

Стремление к праздности девальвированного трудящегося понять не трудно. Но реальной праздностью располагает, конечно, далеко не все, разве лишь класс собственников (и то очень далеко не все его представители), да ещё маргиналы, чья активность сводится к собирательству того, что «плохо лежит» (прежде всего, на свалках и помойках).

Праздный класс собственников, тем не менее, получил при этом не только юридическое, но и этическое оправдание как имеющий возможность вести аутентичный якобы самой человеческой природе образ жизни [2]. Обязывание к труду стало рассматриваться как разновидность насилия, нарушения прав человека, надругательство над человеческой природой или как наказание. Причаститься обеспеченного праздного класса, а лучше – приобщиться к нему, и уж совсем хорошо – войти в него – вот социокультурный ориентир, пришедший на смену двум ориентирам коммунистической эпохи (романтическому – квалифицированный и потому хорошо оплачиваемый трудящийся; прагматическому –двигающийся вверх по карьерной лестнице партхозуправленец). Даже маргинал выбирает сегодня «обходной» путь к той же цели (и ценности) – к материально обеспеченной праздности.

На этом новом фоне совсем слабо стала звучать тема труда как радости (самоценности): стало ясно, что «мало сделать (произвести); надо сбыть (продать, найти покупателя-потребителя)», т.е. маркетинг, а не производство непосредственно получает (или не получает) деньги как эквивалент не столько общественно-полезного труда (по К.Марксу), сколько эквивалент признания потребителями, эквивалент и – концентрированное выражение радости: признанной (важнее, ценнее) тот, кто получил больше денег. Деньги – и мерило, и средство всех радостей, путь к ним всем, апофеоз, кульминация всяческих радостей, новоявленная «Радость Всех Радостей». Конечно же, здесь неизбежно «освобождение от контроля со стороны государства и самих тружеников» [3, с. 74]. Рыночная романтика затмила и романтику, и религиозную серьёзность производительного труда. Корысть признана естественнее, фундаментальнее труда (который ведь всегда требует хотя бы некоторой самоотдачи, самоотречения, бескорыстия).

В таком – рыночном – обществе потребления радостей и культивирования праздности производительный труд (сам труд, не

только его образ в представлениях людей) неизбежно трансформируется: потребителя интересует всё более научно- (шире: культурно-) ёмкий товар, т.е. продукт, вобравший в себя, «потребивший» в себя значительный объём культуры, чреватый благодаря культуроёмкости большими радостями. Актуализируется тот аспект диалектики производства, который завораживал многих читателей философско-экономических рукописей К. Маркса [5] в XX в., не ставших отдельным цельным текстом (оставшихся «гумусом» «Капитала», чьё содержательное богатство в некоторых местах перевесило значимость объявленного главным сочинения К. Маркса).

Итак, сложное производство – это не столько производство, сколько производительное потребление – прежде всего, культуры – вобранной в себя человеком-производителем-производительным потребителем и окружающей человека. Производство культуроёмкого продукта – это, прежде всего, потребление культуры, а это предполагает доступ к ней, точнее, обладание ею. До того, как труженик произведёт культуроёмкий продукт, он должен (праздно, не-утилитарно, «безыдейно») этой культурой обладать, играючи ею распоряжаться.

Это значит, что и в сфере производства, в сфере самого труда эпохи общества потребления (в которую и Россия, пятась, но вошла) всё жёстче начинают срабатывать социальные фильтры доступа к культуре как богатству («пряников сладких всегда не хватает на всех», – остроумно спел Б. Окуджава), т.е. и доступ к культуроёмкому производительному потреблению обрастает системой ограничений, а именно: радостный (т.е. культуроёмкий) труд – для избранных. Такой труд – ещё одна радость в репертуаре наслаждений, служащих идеологическим ориентиром для общества потребления. Получить доступ к такому труду – ещё одна из привилегий эпохи общества потребления на продвинутой её стадии (когда собственники, грубо говоря, наелись, потом объелись и тогда уж обратились к поиску новых радостей).

Среди фильтров доступа к такому труду важнейшими являются статус (у собственников он есть) и образованность (у собственников она есть далеко не всегда). Статус доступ открывает, но только образованность позволяет этим доступом воспользоваться. Радость обладания культуроёмким богатством открывается только образованным людям. Радость от производительного потребления этого богатства (культуроёмкого производства) дана только образован-

ным людям. Потому собственники обречены искать образованность если уж не себе, то наследникам. В этом пункте обнаруживает себя совсем иная мобильность богатых – академическая, прежде всего, т.е. поиск наиболее качественного образования, пусть не всегда для себя, но всегда – и для потомства.

Пока же в России наблюдается социальный диссонанс: культура легко доступна финансовой элите, но эта элита – не трудящаяся, она большей частью сегодня праздна. Наша элита прошла этапы активности – захвата собственности, ограждения её от многих рисков. Теперь она в состоянии пассивного непроизводительного её «переваривания». Капитал активен, но уже не благодаря собственникам, а лишь своей природе (капитал – самостоятельная сила, не всецело зависящая от собственника, скорее, наоборот, диктующая свою волю собственнику). И капитал потребует другого типа собственников, которые будут (активно, мобильно) обслуживать его (капитала) активность, его самовозрастание.

Такому капиталу уже не чужд, тем более не противоположен и лозунг «Славим человека труда!» – поскольку это эвфемизм, одно из корявых выражений сформировавшейся политико-экономической потребности в новом типе элиты – непраздной элиты, которая способна не только «проедать», т.е. непроизводительно (разрушительно) потреблять, но и потреблять производительно, иначе говоря, производить культуరోёмкие продукты, организовывать это производство, стимулировать, защищать, развивать... Необразованные толстосумы смогут спасти свои капиталы при обязательном условии получения основательного образования если не ими самими, то хотя бы их наследниками.

«Славим человека труда!» – это и кокетливое подмигивание пока ещё (но начинающему иссякать) множеству образованных россиян, большую часть которого никак не отнесёшь к финансовой элите. Это намёк им на возможное срабатывание для них социального лифта, на перераспределение капиталов в пользу активных, непраздных, мобильных его обладателей.

«Славим человека труда!» – это ещё и этап признания социокультурным ориентиром, эталоном производительно потребляющей (непраздной) элиты, т.е. активно обслуживающей самовозрастание капитала, занятой в сфере производства культуరోёмких продуктов. Именно эта сфера сулит сегодня дальнейший рост капитала, именно туда он готов перемещаться. Значит, нужен и такой облада-

тель этого капитала, который обеспечит своему капиталу комфортное самовозрастание в данной сфере. Нужен образованный, а потому тоже мобильный капиталист. И нет необходимости доказывать, что наслаждение культуроёмким продуктом – и его потреблением, и его производством обеспечивает, прежде всего, гуманитарное образование.

Такому капиталисту необходим соответствующий потребностям данной сферы работник, которому уже давно есть наименование рабочей аристократии. Только в обществе потребления её должно стать больше и количественно, и качественно (она должна стать образованней, постоянно образовываемой, опять же обязательно и гуманитарно по-настоящему образованной, т.е. способной жить достижениями культуры, разнообразной, мобильной).

На этой основе срастаются экономические, а потому и политические *интересы рабочей аристократии и непраздной финансовой элиты*. Опереться на их альянс – задача политической элиты. Поэтому политическая элита должна создать юридические механизмы укрепления и развития этого альянса, оправдывая и пролонгируя тем самым своё политическое лидерство.

Именно политическому руководству придётся решать также задачу воспроизводства и даже роста слоя потребителей, способных оценить и приобрести культуроёмкий товар, т.е. слоя образованных потребителей. Надёжным союзником политическому руководству при решении этой задачи может быть только непраздный капиталист. Рабочей же аристократии образованный потребитель может – в силу образованности же – быть конкурентом (заработную плату работник получает ведь от капиталиста, а не от покупателя произведённого им продукта, потому покупатели в супермаркетах – это ещё и конкуренты друг другу на рынке труда)... Эта конкуренция становится социально опасней межклассовой вражды работников и собственников. И предупреждать её разрушительные последствия – задача государства, в том числе создаваемых им правовых механизмов.

Из сказанного очевидны и ориентиры развития законодательства. Они распадаются на сферы трудового права, социальной защиты и образовательного права. И во всех существующих на сей день трёх этих сферах нужны трансформации.

В сфере регулирования трудовых правоотношений под сомнение попадает, прежде всего, ныне провозглашённый принцип ра-

венства прав и возможностей работников, в том числе в обеспечении их «без всякой дискриминации» на продвижение по работе и переподготовку и повышение квалификации, а также обеспечение права на участие в управлении организацией (потому что сегодня возрастает роль образовательных, квалификационных цензов, знаков государственного, отраслевого, муниципального и корпоративного признания, престижа, в том числе и стажа по специальности). Значит, необходима разработка новой системы признания и поощрений работников на государственном, отраслевом, муниципальном и корпоративном уровнях с учётом образовательных, квалификационных и иных цензов. Следовательно, возникнет правовая основа дискриминации по признакам необразованности и низкой квалификации. Она же, в свою очередь, будет стимулировать к образованию и росту квалификации.

Далее, в связи с неизбежным ростом индивидуализации культуры оёмкого производства (производства уникальных продуктов) в трудовые правоотношения необходимо вводить нормы авторского права, защищающие права креативного труженика. Это потребует развития и самого авторского права как особой отрасли российской правовой системы.

В сфере социальной защиты привилегии также необходимо перераспределить в соответствии с квалификацией, наличием знаков государственного, отраслевого, муниципального и корпоративного признания.

В сфере образовательных правоотношений необходимо предусмотреть привилегии в зависимости от знаков признания креативности и перспективности (в том числе через конкурсы, например, профессионального мастерства и т.п., рейтинги и др.). Значит, целесообразна дискриминация неинициативных, некреативных. Значит, произойдёт стимулирование к инициативности и поиску нового.

Итак, прежде всего, необходима ревизия и развитие системы знаков государственного и отраслевого признания, креативности и перспективности – с выходом на обновление ряда уравнивающих норм Трудового кодекса Российской Федерации.

В дальнесрочной же перспективе целесообразны ограничения избирательного права – для тех, кто не имеет объективных оснований к социально-ответственному поведению и выбору. Этими основаниями, прежде всего, являются собственность, высокая квали-

фикация, высокая образованность. Гуманитарная образованность тут должна играть первостепенную роль.

Список литературы

1. *Беляров В.В.* Труд как прапрецедент культуры (проблема «отчуждения труда») / В.В. Беляров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2011. № 4 (24). С. 87–94.

2. *Веблен Т.* Теория праздного класса / Т. Веблен. Москва: Прогресс, 1984 // Режим доступа: <http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/750/file/Veblen-ТПК.doc>

3. *Гончаров С.З.* От спекулятивной экономики к экономике креативной / С.З. Гончаров // Традиционные и национально-культурные духовные ценности как фундамент инновационного развития России. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. тех. ун-та им. Г.И. Носова, 2010. С. 73–83.

4. *Кислов А.Г.* О требованиях к содержанию подготовки мастеров производственного обучения в условиях растущей социально-профессиональной мобильности / А.Г. Кислов // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: Сб. материалов и докладов Междунар. конф. (Екатеринбург, 29–30 мая 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. С. 162–168.

5. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / К. Маркс. Москва: Академический проект, 2010. 775 с.

УДК 378.1

В.И. Полищук
V.I.Polishchuk

Качество и партнёрство в гуманитарном образовании **Quality and partnership in the humanitarian formation**

***Аннотация.** В статье обсуждается проблема качества и условия его обеспечения в высшем образовании. Утверждается, что основным условием достижения действительного, а не мнимого качества является формирование коллективного субъекта образовательного процесса, понимаемого как партнёрство.*

***The summary:** In article the problem of quality and a condition of its maintenance in higher education is discussed. Affirms, that the basic*